

ЧТЕНИЕ

7

Юрий Иосифович Коваль

1938—1995

Ю. И. Коваль начал писать рассказы, когда стал работать в сельской школе учителем. Он преподавал там русский язык и рисование. Чтобы детям было интересно на уроках русского языка, он сочинял для упражнений короткие тексты и диктовал их школьникам. В этих маленьких рассказах-диктантах молодой учитель писал о природе, которую хорошо знал и любил.

Ю. И. Коваль исходил многие десятки километров по лесам и полям. Жил в далёких заброшенных деревеньках. Так что он действительно знал и птиц, и зверей, и травы.

Приехав в Москву, Ю. И. Коваль привёз с собой стихи, рассказы, рисунки. Рисовал он всегда. И художником стал раньше, чем писателем. Но и писал Ю. И. Коваль как художник, замечая то, что другим людям было не видно.

Чаще всего героями произведений Ю. И. Ковалёва становились животные. Это пёс Алы, который охраняет границу страны; клёст Капитан Клюквин, которому хочется научиться петь свою песню, не похожую на песни других птиц; смешная картофельная собака Тузик, которой нравится пугать людей своим грозным видом, а после смеяться над их совершенно неоправданным испугом. Писатель очеловечивает животных. И, так же как у людей, поступки животных могут быть смешными.

По некоторым книгам Ю. И. Коваля сняты художественные фильмы «Пограничный пёс Алый», «Недопёсок Наполеон Третий», «Приключения Васи Куролесова», мультфильм «Тигрёнок на подсолнухе». Если будет возможность, посмотрите их.

Капитан Клюквин

На птичьем рынке я купил себе клеста.

Он был с перьями кирпичного и клюквенного цвета, с клювом, скрещённым, как два кривых ножа.

Дома я поставил клетку на окно, чтобы клёст мог поглядеть на улицу. Он сидел на своей жёрдочке торжественно и гордо, как командир на коне.

Я бросил в клетку семечко подсолнуха. Командир соскочил с жёрдочки, взмахнул клювом — семечко разлетелось на две половинки. А командир снова взлетел на своего деревянного коня, пришпорил его и замер, глядя вдаль.

Надо было придумать клесту имя. Мне хотелось, чтоб в имени был отмечен его командирский нрав и красный цвет перения. Нашлось только одно слово — клюква. Я долго шнырял так и эдак и назвал клеста Капитан Клюквин.

Всю ночь за окном слышен был дождь и ветер. Капитан Клюквин спал беспокойно, встряхивался, будто сбрасывал перьев капли дождя. Его настроение передалось мне, и я тоже спал неважно, но проснулся всё же пораньше, чтобы послушать утреннюю песню Капитана.

Рассвело. Солнечное пятно еле наметилось в пасмурных облаках.

«Цик...» — услышал я.

Потом ещё: «Цик, цик...»

«Убогая песня, — думал я. — «Цик» — и всё. Маловато».

Почистив перья, Капитан Клюквин снова начал цикать. Сначала медленно и тихо, но после разогналса и кончил весисто и сочно: «Цок!» Капитан помолчал, поглядел замышливо в окно и снова запел. Песня началась глухо, незаметно. Послышался тихий и печальный звук, что-то вроде тиууу-лиууу. Звук этот сменился задорным посвистом. После зазвенели колокольчики, словно от жаворонка, трель, как у певчего дрозда.

Капитан Клюквин, оказывается, был настоящий певец.

Пасмурная осень тянулась долго. Солнечных дней выпадало немного, и в комнате было тускло. Только огненный Капитан Клюквин веселил глаз.

Красный цвет горел на его перьях. И характер у Капитана был весёлый. Целый день прыгал он по клетке, расшатывал клювом железные прутья или выламывал дверцу. Но больше всего он любил долбить еловые шишки.

Зажав в когтях шишку, он вонзал клюв под каждую чешуйку и доставал оттуда смоляное семечко. Гладкая, оплывшая смолой шишка становилась похожей на растрёпанного воробья. Скоро от неё оставалась одна кочерыжка. Но и кочерыжку Капитан долбил до тех пор, пока не превращал в щепки.

Прикончив все шишки, Капитан принимался долбить жёрдочку — своего деревянного коня. Яростно цокая, он смело рубил сук, на котором сидел.

Мне захотелось, чтоб Клюквин научился брать семечки из рук. Я взял семечко и просунул его в клетку. Клюквин сразу понял, в чём дело и отвернулся. Тогда я сунул семечко в рот и, звонко цокнув, разгрыз его.

Удивительно посмотрел на меня Капитан Клюквин. Во взгляде его была и печаль, и досада, и лёгкое презрение ко мне.

«Мне от вас ничего не надо», — говорил его взгляд.

Да, Капитан Клюквин имел гордый характер, и я не стал с ним спорить, сдался, бросил семечко в кормушку. Клёст мигом разгрыз его.

— А теперь ещё, — сказал я и просунул в клетку новое семечко.

Капитан Клюквин цокнул, вытянул шею и вдруг схватил семечко.

С тех пор каждый день после утренней песни я кормил его семечками с руки.

Осень между тем сменилась плохонькой зимой, на улице бывал то дождь, то снег, и только в феврале начались морозы.

Кривоклювый Капитан пел целыми днями, и песня его звучала сочно и сильно.

Один раз я случайно оставил клетку открытой.

Капитан сразу вылез из неё и вскарабкался на крышу клетки. С минуту он подбадривал себя песней, а потом решился лететь. Пролетев по комнате, он опустился на стеклянную крышку аквариума и стал разглядывать, что там делается внутри, за стеклом.

Там под светом рефлектора раскинулись тропические водоросли, а между ними плавали тёмные рыбки, рассечённые золотой полосой.

Подводный мир заворожил клеста. Радостно цокнув, он долбанул в стекло кривым клювом. Вздрогнули рыбки, а клёст полетел к окну. Он ударился головой о стекло и, ошеломлённый, упал вниз, на крышу клетки...

В феврале я купил себе гитару и стал учиться играть. Чаще всего я играл пятый этюд Джульяни. Этот этюд играют все начинающие гитаристы. Когда его играешь быст-

ро, все звуки сливаются, и выходит — вроде ручеек журчит. У меня ручейка не получалось, вернее, тѣк он слишком уж медленно, но всё-таки дотекал до заключительного аккорда.

Капитан Клюквин отнесся к моей игре с большим вниманием. Звуки гитары его потрясли. Он даже бросил петь и только изредка восхищённо цокал.

Но скоро он перешѣл в наступление. Как только я брал гитару, Клюквин начинал свистеть, стараясь меня заглушить.

Я злился и швырял в клеста пустыми шишками или загонял его в клетку, а клетку накрывал пиджаком. Но и оттуда доносилось злое цокание Капитана.

Когда я выучил этюд и стал играть его получше, Клюквин успокоился. Он пел теперь тише, приноравливаясь к гитаре. Конечно, выглядело всё это не так уж прекрасно — корявая игра на гитаре сопровождалась кривоносым пением, но я пришѣл в восторг и мечтал уже выступить с Капитаном в Центральном доме детей железнодорожников.

Каждый день перед заходом солнца Капитан вылетал из клетки, усаживался на аквариум и, пока я настраивал гитару, легонько цокал, прочищая горло.

Мне нравились наши гитарные вечера, но хотелось, чтобы клѣст сидел ко мне поближе, не на аквариуме, а на грифе гитары.

Как-то после утренней песни я не стал его кормить. Капитан Клюквин вылетел из клетки, обшарил шкаф и письменный стол, но не нашѣл даже пустой ольховой шишечки. Голодный и злой, он попил из аквариума и вдруг почувствовал запах смолы.

На гитаре, что висела на стене, за ночь выросла шишка, как раз на грифе, на том месте, где находятся колки для натягивания струн. Шишка была свежая, от неё крепко пахло смолой.

Капитан взлетел и, вцепившись в шишку когтями, стал отдираť её от грифа. Однако шишка была прикручена проволокой. Пришлось долбить её на месте.

Подождав, пока клѣст хорошенько вработается, я стал осторожно снимать с гвоздя гитару. Капитан зарычал на меня.

Отделив гитару от стены, я плавно повлёк её по комнате через минуту сидел на диване. Гитара была в руках, а на рифе трещал шишкой Капитан Клюквин. Левая рука моя едленно поползла по грифу, всё ближе подбираясь к шишке. Капитан сердито цокнул и ущипнул меня за палец. Воздражённо помахав крыльями, он пошёл пешком по грифу, доколупывать свою шишку.

Ласково взял я первую ноту — задребезжала шишка, а лёст подпрыгнул и зацокал громко и радостно, как лошадь копытами по мостовой.

Оканчивался месяц март. В хорошую погоду я выставил клетку на балкон, и Капитан Клюквин дышал свежим воздухом, пел, клевал снег и сосульки. На звук его голоса летали синицы, сыпали на него снег и тинькали в самое око. Клюквин реагировал на синиц по-капитански. Он возмущённо цокал, стараясь ухватить синицу за ногу. Синицы увёртывались и хохотали.

Но вот солнце стало припекать как следует, сосульки таяли. Тепло подействовало на Капитана неважно. С грустным видом сидел он на жёрдочке, и я прикрывал его от солнца фанеркой. И синицы стали наводить на него уныние. С их прилётом Клюквин мрачнел, прятал голову в пещи и бросал петь.

В комнате он чувствовал себя даже лучше: аквариум, шишки, гитара — милая, привычная обстановка. По вечерам мы играли пятый этюд Джульяни и глядели на аквариум, как там течёт жизнь в тропиках.

В середине апреля Клюквин совсем захандрил. Даже шишки он долбил теперь не с таким яростным интересом.

«Что ж, — думал я, — ему не хватает леса, воздуха. Возьму и понесу его в парк».

В парк мы отправились в воскресенье. В тени, окружённой ёлками, Клюквин оживился: пел, прыгал по клетке, сидел на макушки деревьев. На свист его подлетали воробьи, подходили лыжники.

Но дома Клюквин снова скис, вечером даже не вылетел из клетки посидеть на аквариуме.

«Дела неважные, — думал я. — Придётся, видно, отпустить Капитана».

Но отпускать его было опасно. Слишком долго просидел Клюквин в клетке. Теперь он мог погибнуть в лесу, от которого отвык.

«Ладно, — решил я. — Пусть сам выбирает».

И вот я устроил в комнате ярмарку: развесил под потолком гирлянды еловых и ольховых шишек, кисти калины и рябины, повсюду натывал еловых веток. Капитан Клюквин следил за мной с интересом. Он весело цокал, удивляясь, видно, моей щедрости.

Потом я вынес клетку на балкон, повесил её на гвоздик и открыл дверцу. Теперь Капитан мог лететь в комнату, где раскачивались под потолком шишки, где светился аквариум.

Капитан Клюквин вышел на порог клетки, вскарабкался на её крышу, клюнул зачем-то железный прут и... полетел. С высокого седьмого этажа он полетел было вниз, потом резко повернул, набрал высоту. Мелькнули красные крылья — и Капитан пропал, улетел за наш дом к лесу.

Всю весну не снимал я клетку с гвоздя на балконе, а в комнате сохли под потолком связки калины и рябины, гирлянды шишек.

Стояли тёплые майские дни. Каждый вечер я сидел на балконе и наигрывал пятый этюд Джульяни, ожидая Капитана Клюквина.

1. Скажите, от чьего имени ведётся рассказ.
2. Объясните, за какие качества клёст был назван автором Капитаном Клюквиным.
3. Составьте характеристику клеста по плану:

Внешний вид

- 1) Командирская манера держаться.
 - 2) Блестящее умение петь.
 - 3) Сообразительность.
 - 4) Весёлость нрава.
 - 5) Гордость.
 - 6) Свободолюбие.
4. Выберите названия черт характера, которые свойственны автору рассказа: **доброта, раздражительность,**

настойчивость, весёлость, мрачность, заботливость, безразличие, жестокость, уважительность, зазнайство, критичность. Подтвердите фактами правильность выбора.

5. Докажите, что доброта в отношениях человека и птицы — главная мысль рассказа.
6. Выделите в рассказе сравнения. Продолжите их ряд: **с клювом, скрещённым, как два кривых ножа, ...** Какую роль играют эти сравнения в рассказе?
7. Найдите в тексте выражения, которыми Ю. И. Коваль представляет птицу как человека. Что комичного в этом представлении?
8. Рассмотрите иллюстрацию к рассказу. Какой момент рассказа изображен на ней?
9. Озаглавьте каждую часть рассказа. Коротко расскажите по плану.

Картофельная собака

Дядька мой, Аким Ильич Колыбин, работал сторожем картофельного склада. По своей картофельной должности держал он много собак.

Впрочем, они сами приставали к нему где-нибудь на рынке или у киоска «Соки—воды»... Порой на складе собирались по пять-шесть псов, и каждый день Аким Ильич варил им чугуны картошки.

Летом вся свора бродила возле склада, пугая прохожих, а зимой псам больше нравилось лежать на тёплой, преющей картошке.

Временами на Акима Ильича нападало желание разбогатеть. Он брал тогда кого-нибудь из своих сторожей на шнурок и вёл продавать на рынок. Но не было случая, чтоб он выручил хотя бы рубль. На склад он возвращался ещё и с приплодом. Кроме своего лохматого товара, приводил и какого-нибудь Кубика, которому некуда было приткнуться.

Весной и летом я жил на дачном садовом участке. Участок этот был маленький и пустой, и не было на нём ни

сада, ни дачи — росли две ёлки, под которыми стоял сарай и самовар на пенёке.

А вокруг, за глухими заборами, кипела настоящая дачная жизнь: цвели сады, дымились летние кухни, поскрипывали гамаки.

Аким Ильич часто наезжал ко мне в гости и всегда привозил картошки, которая к весне обростала белыми усами.

— Яблоки, а не картошка, — расхваливал он свой подарок.

Мы варили картошку, разводили самовар и подолгу сидели на брёвнах, глядя, как между ёлками вырастает новое сизое и кудрявое дерево — самоварный дым.

— Надо тебе собаку завести, — говорил Аким Ильич. — Одному скучно жить, а собака, Юра, это друг человека. Хочешь, привезу тебе Тузика? Вот это собака! Зубы — во! Башка — во!

— Что за имя — Тузик. Вялое какое-то. Надо было называть покрепче.

— Тузик — хорошее имя, — спорил Аким Ильич. — Всё равно как Пётр или Иван. А то назовут собаку Джана или Жеря. Что за Жеря — не пойму.

С Тузиком я встретился в июле. Стояли тёплые ночи, и я приноровился спать на траве в мешке. Не в спальном мешке, а в обычном, из-под картошки.

И вот я спал однажды под ёлками в мешке. Уже наступило утро, солнце поднялось над садами и дачами, а я не просыпался, и снился мне нелепый сон. Будто какой-то парикмахер намазывает мои щёки, чтоб побрить. Дело своё парикмахер делал слишком упорно, поэтому я и открыл глаза.

Страшного увидел я «парикмахера». Надо мной висела чёрная лохматая собачья рожа с жёлтыми глазами и разинутой пастью, в которой видны были сахарные клыки. Высунув язык, пёс облизывал моё лицо. Я закричал, вскочил было на ноги, но тут же упал, запутавшись в мешке, а на меня прыгал «парикмахер» и ласково бил в грудь чугунными лапами.

— Это тебе подарок! — кричал откуда-то сбоку Аким Ильич. — Тузик звать!

Никогда я так не плевался, как в то утро, и никогда не умывался так яростно. И пока я умывался, подарок — Тузик — наскочил на меня и выбил в конце концов мыло из рук. Он так радовался встрече, как будто мы и прежде были знакомы.

— Посмотри-ка, — сказал Аким Ильич и таинственно, как фокусник, достал из кармана сырую картофелину. Он подбросил картофелину, а Тузик ловко поймал её на лету и слопал прямо в кожуре. Крахмальный картофельный сок струился по его кавалерийским усам.

1. Скажите, как автор относится к Акиму Ильичу — с насмешкой или доброй улыбкой.
2. Найдите и продолжите выражения, в которых скрыт юмор: **по своей картофельной должности, нападало желание разбогатеть, лохматый товар, ...**
3. Отметьте комизм в поведении собаки.